КРОКОДИЛ

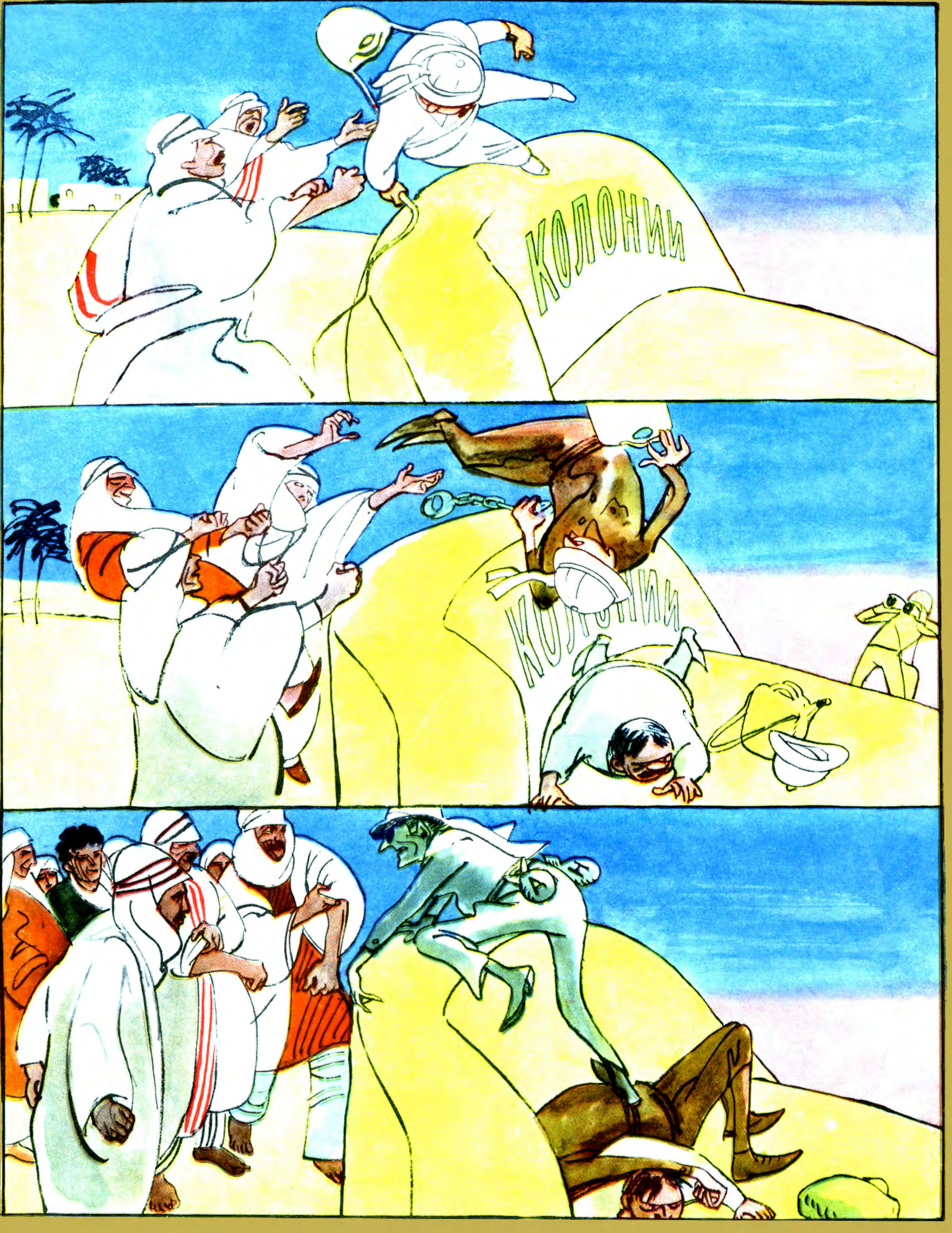

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

По гостю и встреча!

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 5 20 ФЕВРАЛЯ (1475) 1957 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

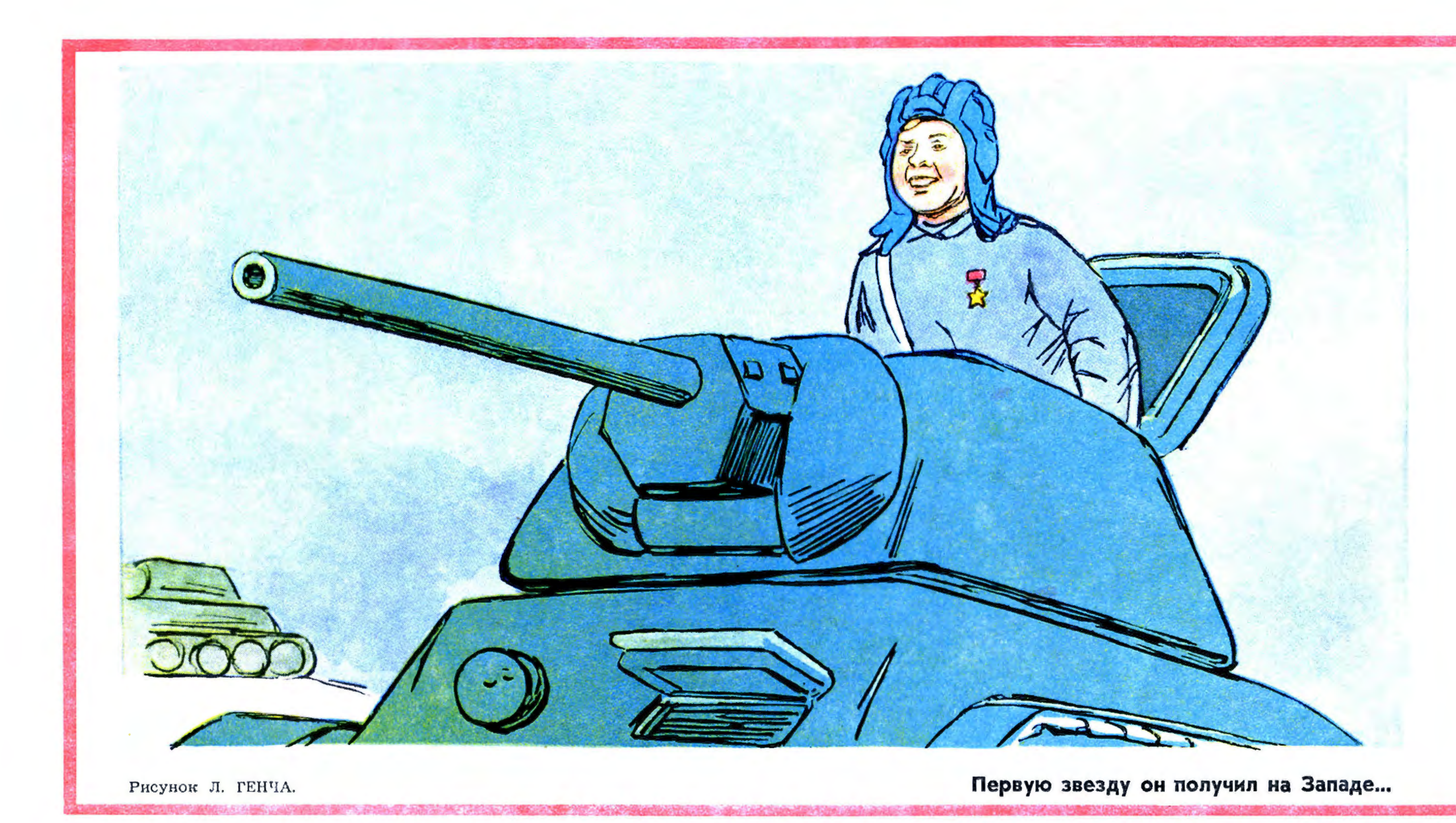
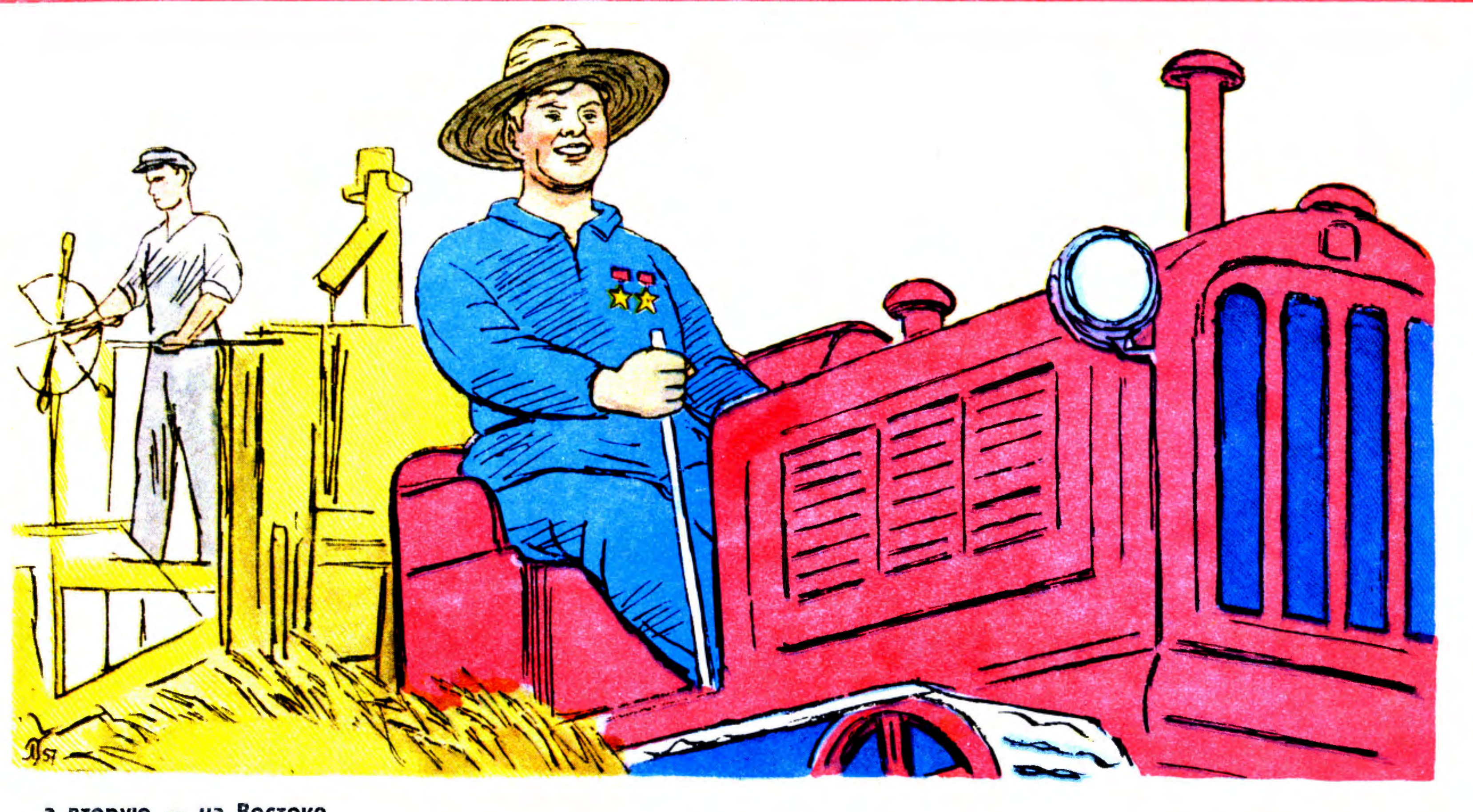

Рисунок Л. ГЕНЧА.

Первую звезду он получил на Западе...

...а вторую — на Востоке.

ПЕСТРАЯ КРОКОДИЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Снег да снег кругом...

Вот и опять суббота — вечер очередной встречи активистов Крокодила. В этот вечер на дворе пошаливала метель. Время от времени она начинала злиться и швыряла в окна пригоршни сухого снега.

— Да, друзья мои,— вздохнул Крокодил.— Плохо сейчас где-нибудь в чистом поле одинокому путнику.

Эта реплика вызвала оживленный обмен мнениями. Большинство присутствующих подчеркивало, что слепая стихия вовсе не так уж страшна при современной технике. Другие доказывали, что стихия страшна именно для современной техники.

— Разрешите, товарищи! — произнес солидный мужчина, сидевший на диване возле окна (это был старший контролер Министерства госконтроля Казахстана тов. Савельев).— Разрешите, я вам расскажу... В общем, небольшая зимняя новелла об одиноких путниках, о чистом поле и всемогущей технике...

Произошло это в Козульском районе, Красноярского края, где недавно привелось мне побывать. Один пожилой железнодорожник со станции Чернореченская (назовем его условно Иваном Петровичем) решил навестить своего приятеля — тракториста Первомайской МТС, которого он не видел без малого полгода. Иван Петрович отправился пешком, уповая, что по дороге его «подбросит» до МТС какая-нибудь попутная машина. Но он просчитался: вместо машины его нагнала здоровущая метель. Закружило, засвистело, и не успел наш Иван Петрович оглянуться, как очутился где-то в стороне от дороги и начал плутать. Плутает и никак не может на дорогу попасть!

Конечно, заблудившийся путник прекрасно понимал, что при современном развитии техники замерзнуть в чистом поле — это просто глупо и даже некультурно. Но делать было нечего. Он уже психологически подготовил себя к неизбежному. И, выбиваясь из последних сил, уже присматривал подходящий сугроб для вечного отдыха. Тут-то и произошло самое неожиданное. Все близлежащие сугробы оказались неподходящими. Они представляли собой этакие бесформенные пироги с мягкой белой корочкой и грубой, жесткой начинкой. Иван Петрович присмотрелся поближе и радостно воскликнул:

«Ну, слава технике! Спасен! Теперь ясно, куда надо идти...»

Через несколько минут он выбрался на дорогу, и подоспевшая наконец попутная машина довезла его до Первомайской МТС.

«Интересно, какая же такая начинка была в этих «снежных пирогах»?» — спросил я Ивана Петровича. (Мы с ним случайно разговорились во время моего пребывания на станции Чернореченская.)

Он хитро прищурился и сказал:

«А вы сами полюбопытствуйте! Погода сейчас прекрасная, пройдитесь пешечком по Московскому тракту да поглядите по сторонам...»

Со мной был попутчик — уполномоченный из областного центра, ехавший в ту самую Первомайскую МТС. Мы вышли на Московский тракт и зашагали по направлению к Козульке...

Вскоре перед нами открылось зрелище действительно необыкновенное. С обеих сторон шоссе — по обочинам и дальше, в открытом поле,— громоздились запорошенные снегом останки сельскохозяйственных машин. Чего тут только не было! Покореженные хедеры и режущие части комбайнов, соломокопнители и колеса, лемеха от тракторных плугов и многое, многое другое.

«Понятно,— мрачно сказал уполномоченный.— Ну и пропесочу же я директора МТС товарища Письмана!»

...Через несколько дней я проезжал по тому же Московскому тракту. Как видно, уполномоченный уже «пропесочил» тов. Письмана: по обочинам шоссе двигались два мощных трактора; они энергично доламывали бренные останки машин, таща их за собой волоком, как попало.

Вот, дорогие товарищи,— заключил свое повествование рассказчик.— Вот что случается подчас при современном развитии техники с одинокими путниками в чистом поле и... с этой самой техникой.

После короткой паузы раздались восклицания:

— Безобразие! Бесхозяйственность! Но ведь это единичный случай!

— Единичный? Гм!..— проворчал Крокодил.— На сей счет я позволю себе... Впрочем, подождите, кажется, товарищ Калимуллин хочет нам что-то сказать...

— Со мной был такой случай,— отозвался уральский шахтер Ахмед Калимуллин.— Недавно я проводил отпуск в Башкирии, в родной деревне Гарабаш. И вот однажды, во время очередной лыжной прогулки, набрел на заячий след. Иду по нему, петляю, и приводит он меня в какое-то очень красивое место. Представьте себе тихий зимний пейзаж. Снег да снег кругом. На белом пригорке задумчивые лапчатые ели. А под горкой что-то темнеет, и там заячьи следы неожиданно обрываются. Подхожу ближе — и вдруг заяц, откуда ни возьмись, как взовьется, как засверкает пятками! И что же вы думаете? Где, оказывается, устроил себе косой зимнюю квартиру? В снегу, под громадным комбайном, который стоял, позабыт-позаброшен, средь чистого поля! И я подумал: «Этот умный заяц умеет ценить технику... Чего, к сожалению, нельзя сказать о руководителях Курдымской МТС».

Все молчали. Вьюга за окном злилась по-прежнему.

— Да, друзья мои,— вздохнул Крокодил.— Плохо сейчас технике в чистом поле!

Вилы в бок

НА МНОГИЕ ЛЕТА

В своих мечтах о солнечном Рио-де-Жанейро Остап Бендер все население этого города представлял себе в белых штанах.

Нечто похожее Крокодил увидел на противоположной точке нашей планеты — в городе Южно-Сахалинске: здесь все местные жители, без различия возраста и пола, почему-то щеголяют в белых дамских носках.

— Что за униформа? — спросил Крокодил.— Или у вас такая мода?

— Ничего не мода,— отвечали горожане.— Просто нам прислали столько таких носков, что хватит по пять пар на душу, включая и грудных младенцев.

— А почему их носят и мужчины?

— Размер подходящий: 39—40. Хочешь, уступим по знакомству несколько пар?

— Пошлите лучше их моему земляку — слону. С приветом от... Да, кого, собственно, нужно благодарить за внимание и заботу? Кому кричать ура?

— Ленинградской базе Главторгодежды! — хором закричали южносахалинцы.— Это она удружила!

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

— Откуда прибыл этот металлолом? — с возмущением спросил начальник ОТК Подольского машиностроительного завода тов. Швацкий, тыча пальцем в кучу ржавых и покореженных кроватных сеток. Гнев его был справедлив: от такой утвари отказался бы даже отшельник, умерщвляющий плоть.

— Их прислали нам с Калининского вагоностроительного завода,— был ответ.

— Безобразие! — еще пуще вскипел Швацкий.— Бракоделы! Какую дрянь выпускают! Немедленно составить акт и сетки вернуть обратно! Затраты отнести за счет поставщика!

Это суровое, но правильное решение было выполнено. Штраф в размере 7 589 рублей 55 копеек уплачен. Но уплатил его не Калининский завод, а... Подольский.

Именно этим заводом были изготовлены сетки. В Калинине, куда они были посланы, их не приняли и возвратили в Подольск. А там, не узнав «плодов рук своих», сетки приняли за чужие и, возмутившись, оштрафовали самих себя. Как говорится, «своя своих не познаша».

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

— Закажите художнику плакаты «Береги каждую копейку!». Побольше! Поярче! В золоченых рамах! С инкрустацией! Денег не жалейте.

Ярослав ГАШЕК

КАРЛ БЫЛ В ПРАГЕ

Когда в Венгрии развертывался контрреволюционный мятеж, в Испании ликующе потирал руки Отто Габсбург — «наследник венгерской короны и австро-венгерского престола». Выступая по мадридскому радио, этот августейший отпрыск изъявил горячее желание «лично бороться» против народно-демократического строя...

Распад лоскутной австро-венгерской монархии в 1918 году вынудил Габсбургов бежать за границу.

Реакционные круги Запада и по сию пору не отрешились от своих планов создания «центральноевропейского католического государства под управлением Габсбургов». Вновь и вновь расписывают они «достоинства» Отто Габсбурга — этого «просвещенного потомка величественных предков».

Сорок лет назад, в 1917 году, Ярослав Гашек написал фельетон «Карл был в Праге», который был опубликован в еженедельнике «Чехослован». Это сатирический портрет Карла Габсбурга — последнего из царствовавших «величественных предков» нынешнего претендента на «венгерскую корону» Отто Габсбурга.

Яблоко от яблони недалеко падает. Надо полагать, потомок во многом унаследовал описываемые Гашеком «достоинства» своего предка...

Фельетон «Карл был в Праге» на русском языке публикуется впервые.

Немецкие газеты в последнее время плаксивым тоном напоминают чешскому народу, что император Карл I, еще будучи эрцгерцогом, пребывал в Праге в 1909—1910 годах; учился в ту пору чешскому языку и сдавал экзамены на юридическом факультете чешского университета [1].

Вот некоторые касающиеся этого подробности.

В 1910 году эрцгерцог Карл состоял в интимной связи с графиней Пургшталь фон Гаммер-Пургшталь, баронессой Буче, графиней фон Кромсдорф и девицей Миззи Лой, которая одно время была танцовщицей в кабаре отеля «Централь» на Гибернской улице в Праге.

Однажды, когда веселая компания катила ночью на автомобиле в Градчаны [2], наткнулась она у Карлова моста на старую торговку жареными сардинками пани Марию Лизнерову из Бржевнова. Мигом погрузили ее в автомобиль и в замке, в гостиной № 24, так называемой желтой комнате, напоили ее шампанским, раздели донага и вываляли в шоколадном тесте.

Некий пан Роушек, проживающий сейчас в Аргентине, который в те времена был приставлен к камергерской службе, выдворил пани Лизнерову из императорских покоев, и где-то за храмом святого Вита задержал ее полицейский патруль. Старая торговка была некоторое время под арестом, пока все не рассказала... Позднее она купила себе в Давли недурненькую дачку и небольшое именьице.

В связи с этим следовало бы побыстрее (пока еще император Карл царствует) написать в школьные хрестоматии статейку под названием «Карл I — благотворитель».

Описанный эпизод не был слишком большой тайной. Сообщил о нем известный редактор «Богемии» Павел Киш. «Право лиду» [3] в ту пору напечатала такую интересную заметку: «*Новинка в Градчанах.* Тотчас по приезде эрцгерцога Карла в Градчанах началось оживленное движение. Наряду с другим, разводят там орхидеи и, кроме того, заботятся об украшении императорских покоев». Через несколько дней дано было пояснение: «В № 128 вкралась опечатка. Следует читать вместо «орхидеи» — «оргии».

Такие оргии разыгрывались вскоре уже у всех на глазах. По королевскому замку ночью шатались целые толпы пьяных офицеров, расходившихся с вечеринок «у Карла».

«Моргенблатт» сейчас пишет, что эрцгерцог Карл снискал себе популярность в Градчанах своим *бодрым характером*. Это мог бы подтвердить один профессор, который засиделся однажды со своей женой в известном ресторане королевского замка «На Викарце» и поздно ночью возвращался после товарищеского ужина домой. На улице он встретился с толпой офицеров, один из которых стал грубо приставать к его жене; когда же профессор вступился за честь своей супруги, он был избит этим офицером, а именно — *самим эрцгерцогом Карлом,* который изволил приложить свою аристократическую длань к физиономии плебея. Разве это не доказательство такой бодрости характера, которая является врожденной и, более того, известным проявлением атавизма jus manuarum (кулачного права) — пережитком тех древних времен, когда, как в двенадцатом столетии, предки этого Габсбурга грабили в лесах купцов, подобно рыцарям-разбойникам!

«Моргенблатт» также пишет, что уже тогда в некоторых случаях можно было видеть Карла,

«сидящего в Градчанах в своем величии», то есть во всем драгоценном убранстве, соответствующем его титулу. Это тоже опечатка. Упомянутый господин Роушек из камергерской службы действительно видел эрцгерцога «в его величии», но... под столом. В конце концов это не так уж важно, но нам кажется только, что такое положение несколько не соответствует слову «величие» и что растянувшийся под столом будущий государь едва ли являет собою выражение «блеска высочайшей власти и ее качеств». Конечно, «Моргенблатт» может нам ответить, что мы глубоко ошибаемся и что государь именно тем и доказывает свою высшую власть, что ложится где хочет, хотя бы под столом, и что, дескать, даже редакция «Моргенблатт» не может ему это запретить. Мы бы, в свою очередь, могли ответить, что если редакция «Моргенблатт» публикует объявления: «В торговое заведение приглашаются только трезвые служащие»,— то подданные могут требовать того же от своего государя.

Но, как сказано, это — дело второстепенное. Присутствие эрцгерцога Карла под столом в императорском замке в Градчанах—всего лишь одна деталь, касающаяся его знаменитого «высочайшего пребывания в Праге».

По выражению высочайшего придворного камергера барона Кланздегга, чешский язык больше всего годится для конюшен. А так как в императорском замке в Градчанах тоже были конюшни, эрцгерцог Карл учился говорить по-чешски.

Учил его каноник Бауэр из градчанского капитула. Наибольшую трудность доставляла Карлу фраза: «Красный тюльпан относится к семейству тюльпанов». Он произносил ее так: «Сорватый тюльпан что-то замышляет против тюльпанов» [4].

Чешский язык он усваивал быстро. Через два месяца он уже знал, кроме фразы о тюльпане, еще одну: «Коска ходя по дому, а ваша коска тоже ходя по дому?». В течение следующего месяца он благодаря своей врожденной сообразительности быстро справился с третьей фразой: «Селовская ограда (вместо «сельский огород».— *Прим. пер.*) есть у ручей, имеет ви тоже ограда у ручей?».

Немецкие газеты пишут о Карле, что он прогрессивный император. Этот прогресс виден в его чешском языке. Если его коронованный предшественник Франц-Иосиф произносил всюду, куда являлся, знаменитую фразу: «Меня чешет, что вы техи» (вместо «Меня тешит, что вы чехи».— *Прим. пер.*),— то Карл был такой откровенный и прогрессивный, что его чехи совсем не тешили; когда он посетил восьмой драгунский полк в Брандысе, он так и сказал ротмистру Графу: «Меня не чешет, что вы техи».

«Карл—наследник всех драгоценных свойств своего коронованного предшественника»,— пишут немецкие газеты. Действительно, он не только унаследовал его знание чешского языка, но даже превзошел, выучив в течение последующего месяца две прекрасные фразы: «Лошадь чихает ушами» [5] и наконец: «Воробей скакала по дереву, а коска его сожрал».

Когда Карл выучил эту последнюю фразу, он в знак благодарности за ученье решил подарить канонику Бауэру девицу Миззи Лой.

Вот была бы тоже прекрасная статейка в школьные хрестоматии под заглавием «Как благородный ученик отблагодарил своего учителя»!

Не знаю, принял ли каноник Бауэр девицу Миззи Лой в дар, но одному редактору «Чеха» было однажды сказано: «Чем выше пан, тем он скупее».

Когда Карл таким образом проник в тайны чешского языка, он в один прекрасный день вышел из замка в сопровождении гофмейстера, камергера, гофмаршала и шталмейстера, чтобы поговорить по-чешски с чешским народом,— это было предусмотрено в программе текущей недели ввиду ожидавшегося оппозиционного выступления чешских депутатов в венском парламенте.

По дороге ему попался на глаза первый представитель чешского народа — полицейский № 672, стоявший у входа в замок. Эрцгерцог спросил его сначала по-немецки, что он тут делает. № 672 ответил дрожащим голосом, что он тут стоит, поскольку его тут поставил господин инспектор Зумр из 4-го округа Праги. Затем Карл продолжал по-чешски: «Сорватый тюльпан замышляет что-то против тюльпанов. Коска ходя по дому, а ваша коска тоже ходя по дому?» У стражника затряслись колени, и этот представитель чешского народа испуганно ответил: «Да, ваше императорское высочество, наша кошка тоже ходит по дому». Карл добродушно усмехнулся и, хлопнув его по плечу, сказал: «Селовская ограда у ручей, имеет ви тоже селовская ограда у ручей?» «Нет, ваше императорское высочество»,— пролепетал полицейский. «Это карашо. Лошадь чихает ушами, вы тоже чихаете ушами?» «Стригу, императорское высочество».

И Карл сказал последнюю фразу: «Воробей скакала по дереву, а коска его сожрал». Полицейского передернуло и бросило в пот; он, заикаясь, проговорил: «Да, ваше императорское высочество, кошка его сожрала, но я здесь не стоял, это, наверное, случилось утром».

Карл, добродушно улыбаясь, последовал со свитой дальше, а полицейский, вытаращив глаза, долго смотрел им вслед. Потом он быстрыми шагами направился к Страгову. В страговских каменоломнях он выстрелил в себя из служебного револьвера, оставив записку, в которой объяснил, что застрелился из-за того воробья... Личное дело № 672 завершилось пометкой: «Застрелился ввиду неожиданного помрачения рассудка».

Перейдем теперь к тому, как Карл учился на юридическом факультете в Праге. Один раз (за весь семестр) он прибыл на автомобиле в здание, где помещался юридический факультет, поднялся на второй этаж и сказал по-немецки доктору Брафу, который его приветствовал: «Удивительно крутая лестница, лифтом было бы удобнее».

После этого выступления он сошел вниз и уехал. Больше юридический факультет его не видел.

Учителями Карла были доктор Отт, который намеревался читать ему «австрийское право», но к этому никогда не приступил; покойный министр доктор Браф, который хотел ему читать «О чешской независимости». Доктору Брафу Карл — словно он предвидел, что в свое время его особа будет совершенно отстранена от судеб чешского государства,— сказал: «Это мне никогда не понадобится». Так и закончились эти лекции. Потом его обучал «Истории Австрии» доктор Гелл. В первый, а также и в последний час этих занятий они изучили историю того, как на скачках в Пардубицах победила Стелла, кобыла барона Эмлера.

Последним учителем Карла был доктор Гейровский, дворянин, закостенелый бюрократ, который вызвался читать эрцгерцогу лекции по римскому праву и другим правам, универсально полезным, как, например, jus in re aliena («право на чужие вещи»), что весьма могло Карлу I пригодиться, а также о праве встречного иска, что сейчас очень хорошо пригодится нам.

Доктор Гейровский (который за двадцать лет до того, как ему было пожаловано дворянское звание, носил бакенбарды, какие носят как дворяне, так и лакеи) был у эрцгерцога дважды и за это время успел заказать себе, кажется, четыре фрака у портновской фирмы Кржиж в Праге. Первой лекции эрцгерцог уделил пять минут, причем отозвался о римском праве весьма кратко: «Да это же стародавняя чепуха». При втором посещении эрцгерцог изволил приказать, чтобы вместо него лекцию Гейровского прослушал какой-нибудь камердинер. В скором времени ректорат университета Карла-Фердинанда в Праге получил предписание канцелярии эрцгерцога о безотлагательной высылке высшему гофмейстерскому ведомству в Вене аттестата о сдаче экзаменов эрцгерцогом Карлом по юридическому факультету.

С этой целью была образована комиссия, которая немедленно отправилась в покои Карла, дабы подвергнуть эрцгерцога экзаменам по юриспруденции. В комиссию вошли доктор Гейровский и доктор Отт.

Эрцгерцог Карл принял комиссию весьма оригинально — в императорском манеже. Был он очень любезен и даже показал господам профессорам своего любимого жеребца Энрика.

Последовала небольшая закуска, причем на стол была подана такая добрая старая бенедиктинка, что почтенный доктор Гейровский в экипаже, который отвозил их в Прагу, всю дорогу разъяснял доктору Отту § 2-й мельничного устава 1814 года, в то время как доктор Отт спокойно спал.

За все пребывание их в замке никто ни разу не упомянул о каких-либо правовых вопросах. Было это прекрасное полдневное время, когда за многие годы профессор Гейровский и профессор Отт не обмолвились и словечком о праве.

Этим самым, полагаем мы, необходимо дополнить сведения немецких газет о сдаче правовых экзаменов императором Карлом в Праге.

Не ты с нами, а мы с тобой, Карл, поговорим по-чешски.

Перевел с чешского Н. Еланский.

[1] В Праге были университеты чешский и немецкий.

[2] Пражский кремль, древняя резиденция чешских королей.

[3] Орган ЦК чешской социал-демократической партии, в которой Гашек сотрудничал в 1908—1914 годах.

[4] Карл коверкает чешские слова, произнося вместо «červený» (красный) «zervený» (близкое к «сорванный») и вместо «patři» (принадлежать, относиться) «páci» (замышлять).

[5] По-чешски «стрижет» (stříhá) звучит близко к «чихает» (kychá).

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

ОЧЕРЕДНОЕ ВПРЫСКИВАНИЕ.

Выгодные страсти-мордасти

Мартин Кайдин романов раньше не писал. Он работал консультантом по управляемым снарядам в исследовательском центре американских военно-воздушных сил. И книги писал в основном про управляемые снаряды и ракеты.

Но как-то мистер Кайдин подметил, что ныне в Соединенных Штатах очень модны всевозможные фантастически-истерические сочинения на тему о «будущей войне». И тогда он решил использовать свои познания в баллистике для обогащения американской беллетристики. Он сел и написал длинный роман под названием «Длинная ночь», а солидная издательская фирма «Додд, Мид энд компани», понимающая «запросы времени», его напечатала.

Рассказывается в романе о том, как на американский город Харрингтон нежданно-негаданно упала атомная бомба и что из этого получилось...

На обложке книги красно-желто-белое пламя лижет силуэты небоскребов. По главам и страницам книги разбросаны кирпичи, балки и обезображенные трупы.

Уцелевшие при взрыве пытаются спастись. Не тут-то было! Кайдин закрывает им все ходы и выходы. «Спасения не было»,— пишет он на странице 122, причем для большего впечатления курсивом. «Спасения не было»,— преграждает он путь бегущим на странице 123. «Спасения не было»,— звучит похоронно на странице 125.

«Улицы заполнены трупами, в большинстве своем сгоревшими и обуглившимися до такой степени, что опознать их невозможно».

Такие живописные зарисовки — на каждой странице.

Кайдин отрывается от смакования ужасов пылающего Харрингтона лишь для того, чтобы информировать читателя о других бедствиях, постигших Соединенные Штаты. Оказывается, нападению подверглась вся территория США. Не стало знаменитого Ниагарского водопада. Он испарился в пекле атомного взрыва. Бомбы были сброшены также на Вашингтон, Бостон, Хьюстон, Дейтон — всего на 137 городов. (Автор, как видим, привык к точным подсчетам!) Для разнообразия одни города поражены атомными бомбами, другие водородными. Погибло 14 миллионов американцев, скрупулезно подводит итоги мистер Кайдин.

Отчего же приключились все эти страсти-мордасти? Кто столь безжалостно сжег американские города?

Ну, разумеется, русские!

Автор, конечно, прекрасно знает, что Советский Союз давно и решительно предлагает запретить атомное и водородное оружие. Но он делает вид, что не знает. Так выгоднее. Ведь если читатель до смерти напуган, у него куда легче выворачивать карманы, собирая доллары на гонку вооружений,— те самые доллары, что льются бурливым потоком из карманов американского налогоплательщика в сейфы пушечных королей.

Г. ПЕГИН

№ 5.

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ХОККЕЙ

Рисунок Ю. ГАНФА

Условия игры: каждый старается забросить шайбу в свои ворота.

Фриц БЕРНГАРД

В настоящее время

Одно не совсем неизвестное западногерманское издательство пожелало недавно выпустить в свет новое издание старого «Путеводителя по Рейнской области и Пфальцу».

— Ничего не приукрашивайте и ничего не ухудшайте,— сказал издатель автору, ранее написавшему текст старого издания и считавшемуся добросовестным человеком.

Спустя три месяца писатель представил рукопись. Издатель раскрыл ее наугад и начал читать:

«Великолепный вид на Рейн с его покрытыми виноградниками холмами открывается перед путешественником с Монастырской горы (в настоящее время доступ закрыт, так как здесь расположено командование американской дивизии), откуда за один час ходьбы по идиллической полевой дороге (в настоящее время закрыта для пешеходов — проезд для танков) можно попасть в местечко Зибензайлер, достопримечательное своей старинной готической ратушей (в настоящее время закрыта по случаю переоборудования под столовую штаба американского полка).

По великолепно раскинувшимся зеленым насаждениям (в настоящее время доступ закрыт по случаю сооружения американского аэродрома с двухкилометровой взлетной дорожкой) мы идем вдоль берега Мельничного ручья, своей прохладой манящего нас искупаться (в настоящее время купанье для немцев запрещено), попадаем в заповедник «Большого Дикого парка» (в настоящее время вход воспрещен в связи с сооружением американского больничного городка на тысячу коек, с церковью и крематорием), бросаем взгляд на гору Лаутерберг (в настоящее время место расположения американской метеорологической станции) и попадаем затем на тихое Мёнхвайлерское озеро с его гигантскими плакучими ивами и живописными берегами (в настоящее время доступ для немцев прекращен по случаю сооружения большого комфортабельного американского поселка «Малая Америка»).

После часа ходьбы в юго-западном направлении по холмистой местности (в настоящее время доступ закрыт — территория для манезров 2-й танковой дивизии США «Ад на колесах») мы достигаем наконец городка Вингертсхаузена, цели нашего дневного путешествия, где мы наносим визит знаменитой «Старой пивной» на Рыночной площади (в настоящее время доступ разрешен только служащим американских оккупационных войск и их дамам). Удовлетворенные разнообразными впечатлениями дня, мы наконец располагаемся на ночлег в гостинице «Гнедой конь» (в настоящее время забронирована исключительно для американских гостей)».

Зазвонил телефон. Издатель снял трубку. Побледнел. Положил трубку и сказал:

— Я очень сожалею, дорогой: мне только что сказали, что из нашего издания ничего не выйдет. В настоящее время типография конфискована для печатания американского путеводителя по Рейнской области.

Перевел с немецкого Г. Бауман.

Леонид ЛЕНЧ

КРЕНДЕЛЕВА

Юра Рыбкин, сотрудник городской молодежной газеты, получил от редактора задание: написать очерк о старухе-пенсионерке, живущей на покое.

— Подберите какую-нибудь старушенцию поразговорчивей,— сказал Юре редактор,— и действуйте! Можете просто описать свой визит к ней. Главное — это передать в очерке атмосферу покоя, заслуженного отдыха... Этакая, понимаете ли, чистенькая комнатка, а в ней чистенькая старушка с этаким, понимаете ли, чистеньким мурлыкающим котом на коленях... В общем, вам понятно задание?

— Понятно!.. Сколько строк дадите, Георгий Спиридонович?

— Получится хороший очерк — подвала не пожалею! Но... срочно! Послезавтра надо сдать в набор!

Прямо из редакции Юра Рыбкин отправился в райсобес и там получил на выбор много адресов, из которых его привлек один: улица Юных пионеров, дом 8, квартира 32, Кренделева Пелагея Марковна.

«Хорошо уже то, что эта старушка живет на улице Юных пионеров,— трясясь в автобусе, размышлял очеркист.— Лишняя красочка, можно обыграть в очерке! И то, что она бывшая курьерша,— это тоже красочка!.. Напишу, как она раньше бегала по городу с разноской, как у нее «ноженьки гудели», а потом сразу дам картинку заслуженного отдыха: сидит наша Пелагея в кресле у окна, очки на носу, в руках газета. И кот на коленях. Толстый, серый с черными полосами... Спасибо Георгию Спиридоновичу за то, что кота подкинул. Кота обязательно надо ввернуть, как художественную деталь, даже если его и нет в натуре. Таких котов социалистический реализм допускает!..»

— Улица Юных пионеров!— звонким сопрано объявила кондукторша, суровое создание в ярком шерстяном платочке, завязанном узлом на подбородке.— Кто спрашивал? Кажется, вы, молодой человек?

Юра поблагодарил суровую кондукторшу за внимание и улыбнулся ей так, что юная жрица городского транспорта растерялась и даже позволила ему беспрепятственно сойти с задней площадки.

Вот и дом номер восемь, обыкновенный пятиэтажный дом.

Юра поднялся на четвертый этаж, нашел тридцать вторую квартиру и надавил кнопку общего звонка. Дверь отворила немолодая женщина с простым лицом, в темном фланелевом платье и в белом переднике. В руке она держала веник. Юрино ратиновое пальто и велюровая шляпа произвели на нее должное впечатление.

Очеркист вошел в пустую общую прихожую, из которой полутемный коридор вел в таинственные коммунальные дебри.

— Вам кого? — спросила с почтительным любопытством Юру женщина с веником.

— Пелагею Марковну Кренделеву. Она дома?

— А вы, извините, не Вовочка из Херсона, не ее племянник?

— Нет, я не Вовочка... Я из редакции. Мне нужно с ней поговорить.

— Очень приятно, но наша старушка в суд отправилась.

— Она что, судится?

— Нет, она интересуется! — загадочно сказала женщина с веником.— Придется вам попозже зайти.

Юра уже прощался с соседкой старухи Кренделевой, как вдруг в прихожую из коридора вышел большой кот с белым перпендикуляром хвоста над жирной, белой, в черных пятнах спиной. Он тихо, коротко вякнул, будто сказал: «Здравствуйте!»

— Это Пелагеи Марковны котик? — спросил очеркист, заранее радуясь тому, что грешить против реализма и документальности в очерке теперь не придется.

— Нет, коммунальный! — сказала женщина и замахнулась на кота веником.— Иди, иди, нечистый дух!..

Через три часа очеркист снова позвонил в тридцать вторую квартиру дома номер восемь по улице Юных пионеров. Отворила ему та же словоохотливая соседка. Она улыбнулась Юре, как старому знакомому, и сказала с сожалением:

— Опоздали, молодой человек!.. Опять выкатилась наша старушка.

— Куда? Снова в суд?

— Нет, в «Гастроном», на Малую Проломную, пять. Там сегодня конференция покупателей. Наша Пелагея Марковна участвует. Вы поезжайте сейчас на Малую Проломную — это не так далеко — и ступайте прямо к директору Безбровкину, он вам ее укажет.

...Директор «Гастронома» Безбровкин, упитанный, гладко выбритый мужчина с лицом цвета малосольной семги, одетый в ослепительно белый, накрахмаленный профессорский халат, был обаятельно любезен.

— Была-с, была-с! — сообщил он представителю печати, улыбаясь и потирая руки.— Выступала! И даже хлопали ей. Но конференция уже кончилась. Отмечены некоторые недостатки, но и достижения имеются. Могу показать протокольчик.

— Спасибо, потом как-нибудь. Вы не знаете, куда от вас направилась Пелагея Марковна?

— Не знаю-с!.. Хотя... ну, да, конечно, вспомнил! Пелагея Марковна и еще тут две пенсионерки, тоже общественницы, приобрели у нас конфеты «Цитрон» на коллективный счет и поехали на Большую Проломную в магазин «Чаеуправления». Там проводится общественная дегустация чаев всех сортов... Вот они и направились... со своими конфетами!..

Было уже совсем темно, когда Рыбкин третий раз за этот беспокойный день позвонил в тридцать вторую квартиру дома номер восемь по улице Юных пионеров. Дверь отворила та же соседка.

— Ой, как вам ужасно не везет! — сказала она с сожалением, покачав головой.

— Да где же теперь ваша старушка?!.

— Тут недалеко. Через два дома красный уголок, где был агитпункт. Она там сегодня дежурит у телевизора, следит, чтобы ребята не перекрутили. Ступайте туда, там вы ее наверняка застанете.

Юра вышел на улицу, разыскал красный уголок и, войдя в полутемное помещение, битком набитое ребятами, сидевшими в благоговейном молчании на скамейках и стульях перед экраном телевизора, негромко позвал:

— Пелагея Марковна!

Сейчас же отозвался недовольный старушечий голос:

— Ой, кто это?

— На минуточку можно вас? Я три раза у вас сегодня дома был!

— Обождите, сейчас!.. Ребята, машину не трогайте!

Ребята дружно зашумели:

— Идите, бабушка, не беспокойтесь! Если он мигать начнет, мы вам крикнем!

Знакомство со старухой Кренделевой состоялось на улице, под фонарем у подъезда дома.

Юра Рыбкин представился ей и сказал, что хотел бы побеседовать с ней в домашней обстановке.

— Когда же беседовать-то, молодой человек? — сокрушенно сказала пенсионерка.— Мне вон у телевизора еще часа два надо высидеть. Вам ждать не резон!

— Тогда позвольте сейчас задать вам несколько вопросов?

— Задавайте. Только не задерживайте меня очень, а то ведь перекрутят... без присмотра! Задавайте, молодой человек, не стесняйтесь.

— Пелагея Марковна! — не без торжественности начал очеркист.— Вы получили заслуженный отдых. Нам интересно знать, как вам отдыхается?

— Сперва трудновато было, а теперь ничего, приспособилась! — сказала старуха Кренделева.

Юра Рыбкин попросил разъяснений.

— Я, молодой человек, сорок восемь лет проработала. С пятнадцати годков сама себя кормлю! — с достоинством сообщила ему пенсионерка.— Мне первое время ужасно неловко было без дела находиться. Встану, чаю напьюсь и мыкаюсь по коридору, как неприкаянная. Родственников у меня нет, один племянник — и тот в Херсоне, пойти не к кому. Ну, помыкаюсь, помыкаюсь и иду к себе в учреждение, где раньше служила. Встречали приветливо, грех обижаться, но ведь люди занятые, перегруженные.

Скажут мне вроде вот, как вы: «Здравствуйте, Пелагея Марковна, как отдыхаете?» А ответ мой уже не слушают: некогда! Посижу в конторе, попью чаю с новой курьершей и опять домой... А потом все же приспособилась к новому своему положению. Жизнь вокруг шумит большая, каждый день какое-нибудь занятие находится... Да вот еще в суд хожу.

— Да, да. Мне соседка ваша рассказывала.

— Это она меня и надоумила. В судах, говорит, такие увлекательные дела бывают, что даже и в кино ничего подобного не увидишь. И к тому же совершенно бесплатно. Я и пошла. И действительно, в тот день слушалось интересное дело — о нанесении побоев. Одна жена своего мужа благословила кастрюлькой. Она его приревновала к артистке из цирка. Вот он, значит, приходит домой поздно, а жена спрашивает: «Где ты был?» Он говорит: «На заседании!» (А сам только что из цирка.) «А почему от тебя пахнет хищными зверями?..»

Тут старуха Кренделева прервала свой рассказ и, хитровато взглянув на очеркиста, сказала:

— Вы, наверное, сейчас думаете: «Ишь, какая вздорная старушонка мне попалась! Делать ей нечего, вот она и бегает по судам».

Очеркист смутился.

— Нет, я не думаю, но ведь вообще-то...

— Я не просто так по судам хожу,— сказала старуха Кренделева со свойственным ей достоинством,— я потом рассказываю... чтобы людям польза была от этого.

— Кому рассказываете, Пелагея Марковна?

— Соседям. Меня даже из других квартир приходят слушать по вечерам. Люди у нас в доме разные живут. Иной послушает, да и подумает про себя: «Глядите, до чего человека может водка довести! Или жадность. Или глупость». Подумает и... остережется.

Завтра в 35-м участке хулиганов разбирают,— помолчав, прибавила Кренделева деловито.— Я уже с нашим управдомом договорилась. Объявление вывесит. Вечером буду рассказывать. Может, кто из нашей молодежи зайдет послушать. Есть тут у нас такой Тимошка Козырьков, ему это очень даже полезно!

— Значит, вы теперь лектор, Пелагея Марковна?

— Ну, какой я лектор! Так... по мере возможности... Я пойду, молодой человек, извините, а то ведь перекрутят!..

— Последний вопрос, Пелагея Марковна. Когда же вы отдыхаете?

— Как все люди! — сказала пенсионерка с некоторой даже обидой.— По воскресным дням!

На следующий день утром Юру Рыбкина вызвали к редактору.

— Ну, где же очерк о пенсионерке? — сказал редактор.

— Не то получается, Георгий Спиридонович! — мрачно ответил очеркист и рассказал все, что с ним произошло вчера.

— Слушайте! — воскликнул редактор.— Это же замечательно! Вот вы все это и опишите! Даю подвал. Только срочно. Чтобы послезавтра в набор. Успеете?

— Успею! — обрадовался очеркист и пулей вылетел из редакторского кабинета.

Антон и антоновка

«Здравствуй, дорогой друг!

Стучат колеса... Я еду в Поныри. Ты, конечно, слыхал об этой знаменитой «яблочной станции»? Подъезжаешь к Понырям, и тебя встречают ведра, да что ведра — горы изумительной, чудесной антоновки, и аромат, аромат!.. Как красочно сказал поэт:

Садоводы могут здесь
гордиться —
Здесь любые яблоки бери...
Пассажиры
яблочной столицей
В шутку называют Поныри.

Приеду — непременно привезу тебе в подарок ведро антоновки.

Твой друг Антон».

* * *

«Привет из Понырей!

Наивность — моя черта. Я почему-то вообразил, что яблоки растут прямо в поселке. Обошел Поныри вдоль, поперек и по диагонали. Здесь неоткуда яблоку упасть... Думал увидеть сад гектаров в триста, а здесь только садик на два — три гектара. Принадлежит он безраздельно крупному, среднему и мелкому рогатому скоту, хотя меня пытались уверить, что истинный его хозяин — колхоз «Путь коммунизма». Познакомился с председателем колхоза Болотиным. Это, по-видимому, типичный яблоконенавистник. О колхозном садике он отозвался весьма определенно: «Хоть бы его забрали куда, или провалился бы он, что ли!»

Ну, конечно, в пристанционном поселке глупо искать сады с антоновкой. Искать их надо в колхозах, на широких просторах!

Твой друг Антон».

* * *

«Дорогой друг, здравствуй!

Объездил весь яблочный Поныровский район. Впечатлений тьма!

Приезжаю я в один колхоз, говорю, что интересуюсь, мол, антоновкой, садами. Прошу показать это ароматное богатство, наливное золото. А на меня ребятишки пальцем показывают, хихикают. Приезжаю в другой колхоз, третий, четвертый... Опять та же картина! Председатели колхозов, как только их спросишь о садах, делают такое лицо, будто кислое яблоко съели.

Заехал, к примеру, в колхоз имени XX съезда партии. «Были,— говорят,— у нас сады, да сплыли». Интересуюсь, почему новые посадки не делают. Оказывается, делают, и даже каждый год. Только от посадок остаются рожки да ножки...

Завтра пойду в райисполком, расскажу об этих безобразиях.

Твой Антон».

* * *

«Привет из поезда!

Вчера был в райисполкоме. У самого председателя товарища Финакова.

«Знаете ли вы,— говорю,— что во всем Поныровском районе ни одного яблока днем с огнем не сыщешь?»

«А как же,— говорит,— не знаю? На то я и председатель. Слава богу, свой район изучил досконально».

«Что же,— спрашиваю,— садоводство — такое невыгодное дело, что им и заниматься не стоит?»

«Ну,— отвечает,— наивный вы человек! (Подметил-таки мою слабость!) Если вы считаете, что колхозу невыгодно быть миллионером,— значит, невыгодное дело. Сад в сто гектаров—вот и миллион рублей дохода! Двести гектаров—два миллиона! Триста гектаров...»

«Но почему же тогда садов не сажаете, посадок не планируете?»

«Почему же не сажаем и не планируем? Делаем и то и другое. Каждый год как можно меньше планируем, а сажаем еще меньше, чем планируем. У нас хозяйственный, перспективный взгляд! Далеко смотрим. Плодов-то лет десять ждать придется! Если сейчас на сады бросимся, какие же показатели десять лет будем давать? Чем перед областью отчитываться будем?»

«А как же вы сейчас перед областью отчитываетесь? Не ругают вас за садоводство, за смехотворные планы?»

«Э, батенька, от жизни отстали! Теперь не область, а колхозы, мы сами, планируем. Что хотим, то и планируем».

Вот такая беседа состоялась у меня с тов. Финаковым. Не выдержал я, побежал ко второму секретарю райкома партии Росинскому. Этот человек, оказывается, всей душой болеет за садоводство. Заверил меня, что яблочки очень уважает. Во всем со мной согласился. «Не привили мы вкуса к яблокам!» — говорит.

Еду в Курск, в управление сельского хозяйства. Поговорить. Просигнализировать.

Антон».

* * *

«Привет из Курска!

Приехал и сразу пошел в управление сельского хозяйства. Как раз напротив управления колхозный рынок. Смотрю: чудо! Полным-полно яблок! Подбегаю к прилавку, спрашиваю, откуда яблоки. «Из Крыма!» Ко второму: «С Украины!». К третьему: «Из Молдавии!» «А курской антоновки,— спрашиваю,— нету?» «Нету...»

В областное управление я не пошел.

Обещание свое сдержу, привезу тебе из знаменитой яблочной Курской области яблок — и крымских, и украинских, и молдавских...

Антон».

Копии с писем верны:
Р. КЛЕВАКИН.

Курская область.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Ты готовишься к фестивалю!
— Да, я уже знаю иностранные слова: нейлон, перлон, буги-вуги...

В сельских клубах зачастую долгое время демонстрируют один и тот же фильм.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Вероятно, этот солдат Бровкин сстался на сверхсрочную службу при нашем клубе!..

Мих. ЭДЕЛЬ

Кто же ваш ДЕПУТАТ?

Старожилов пришел на новоселье к Шиндяпиным в одной галоше, наполненной мутной хлюпающей водой. На левой штанине поблескивал слой жидкой грязи. Не в лучшем виде была и шляпа Старожилова. В коридоре Сергея Андреевича весело встретили хозяева и гости.

— Боже, Сергей Андреевич! — развела руками полнолицая хозяйка.— Где это вы так?

Гости, не стесняясь, хохотали при виде солидного мужчины, который явился в гости весь в грязи, как напроказивший мальчишка.

Вид у Сергея Андреевича был обескураженный. В его душе клокотала ярость. Он, управляющий трестом «Стандартдом», и вдруг перед посторонними людьми и, главное, перед дамами оказался в таком виде!

Шиндяпин увел гостя в ванную, облачил его в узкие черные брюки и домашние шлепанцы. Преобразившийся Сергей Андреевич был введен в столовую. Тут он дал волю гневу.

— Безобразие! — грозно произнес Старожилов.— Понимаете, до Пушкинской я поехал на машине, а затем решил прогуляться пешком. Спросил, как пройти на вашу улицу, сказали: до конца и направо.

— Вы, видимо, попали на Слесарную!— всплеснула руками хозяйка.

— Слесарная, Малярная, Деревообделочная — пропади они все пропадом! — кипел Сергей Андреевич.— Кругом на этой улице ни одного фонаря. Сперва я шел по сухому, окна домишек отсвечивали, и ничего, двигался благополучно. А затем на углу влез в какую-то лужу. Тротуаров на этой бесфонарной Столярной не удосужились завести.

— Да, да, вы шли по Слесарной. Там еще месяца два назад лопнула труба, и вода заливает улицу,— горестно заключила хозяйка.

— Труба лопнула?! Я им покажу трубу! Завтра же позвоню в горсовет! Да, кстати, кто депутат от этой бестротуарной улицы?

— Мы же новоселы,— сказал Шиндяпин,— мы не здесь избирали...

— Сейчас же напишу депутату от этого округа! — оживился Сергей Андреевич, охваченный чувством мести.

Старожилов решительно сел за ученический письменный столик, достал авторучку и написал на поданном ему листе бумаги: «Депутату городского Совета трудящихся тов...»

— Фамилию депутата мы потом уточним,— объявил он.— Все подпишут. Согласны?

— Согласны! — шумно ответили гости.

Один из гостей, заместитель управляющего Коммунальным банком Щеголев, утащил хозяина дома в коридор.

— Что он делает? — горячо зашептал Щеголев.— Кому он пишет? Он же и есть депутат городского Совета от этого округа. В его округ как раз входят улицы Розы Люксембург, Красный маяк, Слесарная и другие. Выходит, он пишет самому себе...

— Вот болван! — вырвалось у Шиндяпина.— Что делать?

— Шепнуть ему,— посоветовал Щеголев,— чтобы потом не смеялись над человеком.

Из столовой слышался зычный голос Старожилова:

— Значит, так... Пишем: тротуаров нет, освещения нет, грязь по колено, а депутату и горя мало... Да, изложим конкретный факт, упрямую вещь... «Вчера вечером один гражданин попал в лужу на Слесарной улице и чуть не утонул. Миргородская лужа по сравнению с этой — колхозный пруд против Байкала,— писал Сергей Андреевич.— И это в наше время, когда рядом в короткий срок отстроена такая великолепная улица, как Пушкинская...» Давайте, граждане, еще факты! — требовал, почувствовав творческое вдохновение, Старожилов.— Где Щеголев, Петр Васильевич? Слушай, ты же местный старожил, кто депутат от этих улиц? Ты, наверное, знаешь?

— Знаю,— подмигнув Шиндяпину, пропел заместитель управляющего банком.

— Знаешь? Давай его сюда... бюрократа и безде... бездеятельного гражданина, которому трудящиеся доверили защищать их интересы. Назови при всем честном народе имя, отчество и фамилию депутата! — гремел Старожилов.— Всенародно! Невзирая...

Щеголев встал в позу:

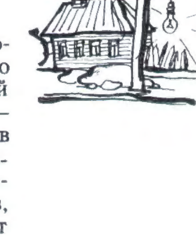
— Фамилия депутата городского Совета от 22-го избирательного округа, в который входят улицы Слесарная, Розы Люксембург, Красный маяк, Вокзальная и другие... Старожилов Сергей Андреевич — управляющий трестом «Стандартдом», баллотировался в 1954 году

Гости оглушительно захохотали.

— Не может быть! — осипшим голосом пролепетал Старожилов.

Воцарилось неловкое молчание.

— Я пойду... пойду домой,— неожиданно объявил Старожилов и направился в коридор.

— Ну, вот,— скажет иной читатель,— и как эти журналисты себе позволяют выдумывать такое?.. Депутат забыл, что он депутат? Так не бывает.

Нет, бывает.

Месяца два назад мы побывали у начальника депо пассажирских вагонов станции Брянск тов. Новоселова. Он числится депутатом городского Совета. Чтобы быть краткими и точными, скажем:

— Андрей Сергеевич Новоселов, будучи депутатом, несмотря на регулярные приглашения, не посещал сессии городского Совета, не помнил, от какого округа он избран, какие улицы входят в его округ, ни разу не принял ни одного избирателя и — самое любопытное! — после своего избрания в течение двух лет, сколько ему ни напоминали, не потрудился получить свой депутатский мандат.

И если бы тов. Новоселов заглянул примерно на крайне запущенную Слесарную улицу, которая входит в его избирательный округ, он, может быть, и спросил бы: «Кто же ваш депутат?»

— А никто! — ответили бы ему, как ответили нам.

И это было бы справедливо.

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

— И давно ты построил дачу!
— Как перешел работать в этот ларек...

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ
НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА

БУМАГА, ВОДА И... ФАНТАЗИЯ

В заметке «Курс на 100» газета «Черноморська коммуна» от 1 января вложила в уста одного старого педагога такую тираду:

«Первое боевое крещение я прошел в Архангельске, когда случайно упал в море. Вода была минус 30 градусов. Мне пришлось долго плавать, пока не вытянули на борт. С тех пор я купаюсь регулярно, невзирая на погоду».

Температура воды — минус 30! Можно себе представить, какую сумятицу внесет это сообщение в умы физиков. Теперь им придется искать другую точку замерзания воды. Выходит, врут не только календари, но и градусники. Или, может быть, здесь дело не в холодной воде, а в жаркой фантазии корреспондентов одесской газеты?

СТО ЛИС, И ВСЕ СЕРЕБРИСТЫЕ

Газета «Советская Латвия» вплотную занялась серебристыми лисами. Четвертого января 1957 года она сообщила:

«Зверовод колхоза «Зелта звайгане» Екаб Кайран в нынешнем году вырастил 100 серебристых лис. От продажи шкурок колхоз рассчитывает получить 60 тысяч рублей».

Таким образом, понадобилось всего четыре дня, чтобы вырастить такую уйму лис. Это удивительное сообщение поразило звероводов. Говорят, что сам Екаб Кайран, ознакомившись с газетной заметкой, сокрушенно заметил: «Скоростное выращивание лис на газетном листе — большое достижение редакционных звероводов. Как жалко, что их опыт нельзя перенести на зверофермы!»

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

На республиканском совещании передовиков сельского хозяйства Украины приводились факты, когда некоторых председателей колхозов, снятых за пьянство, тут же устраивали на другую работу.

ПОДДЕРЖИВАЮТ КАНДИДАТУРУ...

Книжная полка Крокодила

Про смертяшкиных

Вместо влаги искрометной,
Пили запросто марсал,
А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал:
«Я люблю живых писателей,
Но — мне мертвые милей!..»

Это — пир гробовскрывателей!
Дальше, дальше поскорей!..

Н. А. Некрасов «Современники».

Толстая книга с золотым тиснением на ледериновом переплете. Она вышла в конце 1956 года. Ее название — «Литературная Москва». Слово «Москва» выделено красным цветом. Все современно в оформлении книги: шрифты, орфография, пунктуация. Ятя, фиты, ижицы нет.

Но отсутствие старорежимных букв, столь мучивших нас в школьные годы, воспринимается как недостаток, когда читаешь во втором сборнике «Литературной Москвы» некоторые статьи, заметки и стихи. При чтении их вспоминается читанный украдкой от учителей и родителей мрачный альманах под названием «Смерть». Там были ять, фита, ижица. Высохшая, костлявая, безглазая старуха с косой за спиной была главной героиней альманаха.

Имя этой старухи весьма часто встречается в «Литературной Москве».

В рассказе Ник. Жданова «Поездка на родину» писатель говорит о горожанине, оторвавшемся от деревни. Деревенский мир «по всем его понятиям давно уже не существовал на свете...» Герой был вызван в этот мир телеграммой о смерти матери. Приехав на родину, герой никаких перемен и сдвигов в жизни не увидел. Все осталось в деревне неизменным...

Стихотворение Я. Акима рассказывает о скоропостижной смерти. «Просто смерть внезапную подножку нашему товарищу дает — просто вызывают неотложку, и она опаздывает. Вот... А потом на кладбище морозном скажем речь, как будто о чужом».

Писатель Юрий Олеша напечатал в сборнике отрывки из своих литературных дневников. Выписываем отрывок под цифрой «20»:

«Я вспоминаю, что всю жизнь мешало мне жить постоянно появлявшееся соображение, что, прежде чем начать жить спокойно, я должен отделаться вот от этой заботы... Забота рядилась в разные личины: то она была романом, который я собирался написать (вот напишу роман и буду жить спокойно!), то квартирой, которую нужно было получить, то ликвидацией ссоры с кем-либо, то еще каким-нибудь обстоятельством. Однако, что бы ни было выполнено, я никогда не мог сказать себе: ну вот, наконец-то теперь я буду жить спокойно. Очевидно, самое важное, что надо преодолеть, чтобы жить спокойно,— это была сама жизнь. Таким образом можно свести это к парадоксу, что самым трудным, что было в жизни, была сама жизнь: подождите, вот умру и тогда уж буду жить!»

Славный автор «Трех толстяков» и «Зависти»! Дорогой Юрий Карлович! Не пугайте нас, ваших читателей и почитателей. Пишите роман, ссорьтесь, не пренебрегайте коммунальными заботами, не покидайте земную юдоль, считая, что жизнь — это то, что надо преодолеть...

Уж на что был очарован и пленен смертью известный вам Федор Сологуб, но и он оставил нам такие строки:

Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторах нивы,
И пыль под колесом, и скрип ворот,
И благостные кооперативы...

Он завещал:

Не презирай хозяйственных забот,—
Они ведут к восторгу и к свободе.

В сборнике «Литературная Москва» напечатана статья Ильи Эренбурга «Поэзия Марины Цветаевой». Автор статьи восхищен поэзией и поэтессой. Его подкупает то, что поэтесса на многих этапах своего творческого пути слагала гимны в честь костлявой и безглазой старухи. Эренбург приводит выписки из ранних сборников поэтессы — «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь».

Ты дал мне детство лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!

Этот страстный глагол отроковицы не дошел до верховного существа, даровавшего ей золотое детство. Земные люди тоже не приняли всерьез альбомные стихи. В двадцать лет поэтесса заявляла:

Моим стихам о юности и смерти —
Нечитаным стихам! —
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед!

Надо отдать должное проницательности Цветаевой: она предвидела появление альманаха «Литературная Москва» и панегирик в ее адрес из-под пера самого Эренбурга. Панегирист поставил Цветаеву выше поэтов Бенедиктова, Апухтина, Надсона, Игоря Северянина. Впрочем, это поэтическая плотва; автор приводит более весомые имена. Он говорит о Тургеневе, не понимавшем значения поэзии Тютчева. Он говорит о Блоке, указывая, что многие его стихи куда труднее для восприятия, чем произведения Цветаевой. Даже прах Шелли и Каролины Павловой тронул Эренбург. Вспомнил он Брюсова и Маяковского. Наконец, ассоциации Эренбурга от имени Цветаевой достигли... имен Пушкина и Гоголя!

Не Марина Цветаева виновата в том, что она не воздвигла себе нерукотворного памятника ни при жизни, ни после смерти. Виноват народ! Эренбург пишет: «Одиночество, верней сказать, отторжение, всю жизнь висело над ней как проклятье, но это проклятье она старалась выдать не только другим — самой себе за высшее благо». Эренбург продолжает: «В любой среде она чувствовала себя изгнанником, изгоем... В «Поэме конца» она сравнивает жизнь с гетто. Ее мир ей казался островом, а для других она слишком часто была островитянкой».

По древней заповеди, надлежит о мертвых ничего не говорить или говорить только хорошее. Цветаева умерла в 1941 году. Пятнадцать лет — это слишком большой срок для поминок. Илья Григорьевич Эренбург, задержавшись на поминках, продолжает возжигать светильники, кадить ладан, плакать и рвать на себе волосы. По его словам, Марина Цветаева — выдающаяся русская поэтесса, горячая патриотка России, имя ее должно стать в одном ряду с общепризнанными литераторами.

Ни одного цветаевского слова о ее русской родине в статье Эренбурга, однако, не приводится. Зато цитируются стихи, выражающие истерическую любовь поэтессы к Германии в пору первой мировой войны: «Германия, мое безумье! Германия, моя любовь!»

«Когда я думаю о русском характере ее поэзии, я,— продолжает Эренбург,— меньше всего обращаюсь к ее сказкам или к тому, что она взяла от народной песни. Внешние приметы как бы говорят о другом: о знании и любви к самым различным сторонам — к древней Греции, к Германии, к Франции... Она писала стихи по-французски и по-немецки. Однако повсюду, кроме России, она чувствовала себя иностранкой».

Свежо предание, но верится с трудом. Для доказательства патриотической любви Цветаевой к родине вспоминаются деревья: «калужские березы», «жаркая рябина», «печальный огонь бузины», «последняя кровавая бузина». Этого, конечно, мало. Ведь еще Добролюбов считал что любовь к рощам и холмам — это только первая, отроческая стадия любви к отечеству. А Цветаева прошла многие стадии. Длительное пребывание в белой эмиграции — это такое обстоятельство, которое трудно не учитывать даже в поминальной речи.

Эмигрантами в свое время были А. Н. Толстой, Скиталец, А. И. Куприн, на чужбине умерли Л. Н. Андреев, И. А. Бунин. Печальные факты в их биографии, но, невзирая на это, они остаются в русской литературе как ее талантливые деятели.

Цветаева не без поэтического дара, но место ее на русском Парнасе весьма скромное.

«Будучи часто не в ладах с веком,— пишет автор статьи,— Марина Цветаева много сделала для того, чтобы художественно осмыслить и выразить чувства своих современников. Ее поэзия — поэзия открытий».

Да будет позволено нам не согласиться с этим категорическим утверждением.

Певцы «всяческой мертвечины» и певцы «всяческой жизни» (слова Маяковского) были до Цветаевой. Не ей принадлежит приоритет в старом литературном флирте декадентов с безглазой старухой.

Автор обошел молчанием имя Федора Сологуба. Тот часто воспевал, прославлял, благословлял смерть. За сие занятие во время оно Сологуб получил от Горького кличку «Смертяшкин».

Цветаева повторяет зады Смертяшкина.

Стихотворение, датированное 1923 годом, начинается так:

Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям,
Страсти, где насморком
Назван плач!

Если поэтессе нечего делать в живом мире, то остается ретироваться из него. Об этом говорится в стихотворении под оригинальным заголовком «Прокрасться...»:

...А может — лучшая потеха
Перстом Себастиана Баха
Органного не тронуть эха?
Прокрасться, не оставив праха
На урну!..
Может быть, обманом
Взять? Выписаться из широт?
Так: временем, как океаном,
Прокрасться, не встревожив вод...

И опять-таки у Смертяшкина преимущество перед Цветаевой: не так заходил ум за разум, не так косноязычен был язык. Если приведенные в сборнике стихи объявляются характерными для творчества поэтессы и даже образцами русской поэзии, то нам жаль усилий Ильи Григорьевича Эренбурга. Положительно зря возводит он в перл поэтического творения «дорожные грехи праздношатающейся музы» (выражение П. Вяземского).

В стихах Марины Цветаевой много вопросительных знаков. Вопросом хочется закончить наш рассказ про смертяшкиных и их апологетов из «Литературной Москвы».

Зачем кадило, ладан, плач и стон на берегах Москвы-реки? Неужели устроители поминок и тризн кадят незабвенным покойникам для того, чтобы задеть живых своими кадилами? И это бывает. О таких манерах еще Баратынский писал.

И. РЯБОВ

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

(Подслушанные разговоры)

В одном из театров только что закончилась премьера новой комедии. Закрылся занавес. Публика в зале еще аплодирует, вызывая на сцену автора и исполнителей. Но отдельные пары, главным образом критические, уже торопятся в гардероб.

Выходит первая пара критиков.

ПЕРВЫЙ. Сатира хлесткая, как бич!
Нужна такая пьеса людям.
Как ваше мненье, Петр Кузьмич?
ВТОРОЙ. Мое? Обсудим...

Они проходят. Появляется вторая пара критиков.

ПЕРВЫЙ. В спектакле есть порыв, мечта.
Есть в нем и острые места!..
ВТОРОЙ. Да, сбалансировано ловко:
И клевета и лакировка!

Проходят. Выходит супружеская пара — оживленная жена и недовольный муж с кульком в руках.

ЖЕНА. Приятно отдохнули мы, не так ли?
Как пьеса остроумна!
МУЖ. Вздор и чушь!
Полезного из этого спектакля
Я ничего не вынес, кроме груш!
Один лишь плюс — кончается
не поздно...
ЖЕНА. Но ты же сам смеялся громче
всех!..
МУЖ. Ну да, но я смеялся
несерьезно,
Я просто допустил утробный смех!

Проходят. Появляется новая критическая пара.

ПЕРВЫЙ. Как ваше впечатленье от
премьеры?
ВТОРОЙ. У автора совсем нет чувства
меры.
Он нам клевещет на клеветника
И оглупляет образ дурака!..

Проходят. Возмущенно перебивая друг друга, появляются два пестроклетчатых молодых человека студенческого возраста.

— Серость!
— Одинаковость!
— Халтура!
— Реализм!
— Я, право, не брюзга.
Но у них Пика́ссо и Дега,
Импрессионизма жемчуга,
А у нас, для нашей вот натуры,
Для людей утонченной культуры,
Нету совершенно ни фига!

Проходят. И выходит еще пара критиков.

ПЕРВЫЙ. Смех очищает, обновляет.
Как автор смел!
ВТОРОЙ. Меня вот тоже удивляет:
Как автор смел?!

Проходят. Их сменяют две девушки с модными сыпнотифозными прическами.

ПЕРВАЯ. Опять завод... И коллектив...
И партнагрузки...
Вот я смотрела детектив
Вчера французский,
Там весь сюжет построен был
На изумруде:
Как муж жене кольцо купил,
Жену любовник утопил,
А муж любовника убил
И сам под поезд угодил!..
ВТОРАЯ (восхищенно). Живут же люди!.

Проходят. Появляются еще двое критиков: один авторитетный и маститый, а второй поддакивающий и ловящий на лету каждое его слово.

ПЕРВЫЙ. Гдé тут...
ВТОРОЙ. Волнует вас, где тут
След наших славных побед?
Верно! Вы правы, ведь след тот
В пьесе пропал. Его нет!
ПЕРВЫЙ. Гдé тут...
ВТОРОЙ. Согласен я, где тут
Времени верный портрет?
Образ отсутствует этот!
Где наша жизнь? Ее нет!
ПЕРВЫЙ. Гдé тут...
ВТОРОЙ. Критический метод?
Правильно! Метода нет!
ПЕРВЫЙ. Нет, я вас спрашивал:
где тут
Близко... мужской туалет?!

Поспешно уходят.

А в зрительном зале все еще шумно и оживленно. Публика не слышит всех этих разговоров: она аплодирует. Она снова и снова вызывает автора и постановщика и благодарит их за веселую и острую комедию.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Пожалуй, время начинать прием: скоро выборы!

О ПИВНОЙ ПРОБКЕ

На днях на Внуковском аэродроме произошло необычайное событие. С ревом приземлился самолет «ИЛ-14», подрулил к одному из своих собратьев. И вдруг... заговорил:

— Знаешь, дружище, хочу поделиться с тобой своим горем.

— А что? Нездоров, что ли? — осведомился второй самолет.

— На здоровье не жалуюсь. Сердце, то бишь мотор, в порядке. Довольствие получаю в избытке. Другое меня мучает. Верой и правдой я несколько лет служу людям. Но подчас работа выпадает не по душе. Например, заставляют тебя возить всякие пустяки, вроде кроненкорки.

— А что это за штука? С чем ее едят?

— Кроненкорка? А это, дружище... Однако сигнал к вылету дали... Мне пора отправляться. Извини, приятель, в другой раз доскажу.

Самолет прокатился по укатанному полю, стремительно взмыл и взял курс на Ереван.

А пока он совершает рейс, мы заглянем на Московский завод укупорочных изделий, где рождается кроненкорка, о которой не успел рассказать самолет.

Попали мы на завод в то время, когда директор тов. Афанасьев получил телеграмму, гласившую: «Срочно самолетом грузите кроненкорку».

Какое действие произвела эта телеграмма, подписанная директором Ереванского завода минеральных вод Вартаняном! Тов. Афанасьев одной рукой хватает телефонную трубку, другой нажимает кнопку — и вот уже в кабинет вбегают секретарша, начальник отдела снабжения, старший экспедитор, бухгалтер, агент и другие.

— Немедленно переключить все автомашины на Внуковский аэродром! В городской конторе Аэрофлота получить визу на отправку товара! Срочно отправьте телеграмму!..

— Опять Вартаняну? — упавшим голосом спрашивает начальник снабжения Зайцева.

— Кому же еще!..— пожимает плечами Афанасьев.

И через пару часов кроненкорка улетает в Ереван.

Но этот рейс не единственное ее путешествие. Кроненкорка начинает свои скитания по городам еще до рождения, в виде сырого материала.

Проследим этот путь. Белая жесть, из которой изготовляется кроненкорка, а проще говоря, пробка для пивной бутылки, доставляется в Москву из Запорожья. На Московском заводе из жести делают кроненкорку. Но она еще не готова: недостает пробкового «пятачка». Эта деталь вырабатывается в Одессе и отсюда пересылается на тот же московский завод, где и производится соединение двух деталей. Вот теперь пробка готова и становится сверхсрочным воздушным грузом.

...Прошло несколько дней. И снова на поле Внуковского аэропорта встретились знакомые нам «воздушные извозчики».

— А ведь ты прав, дружище,— сказал ереванцу самолет, прибывший из Сталинграда.— Я обратил внимание на свои грузы, и что бы ты думал? Для Московского завода пищевых концентратов № 3 Министерства промышленности продовольственных товаров РСФСР я приволок из Сталинграда крышки консервных банок, а для мясоперерабатывающего завода Министерства мясных и молочных продуктов РСФСР — шпагат из Свердловска. А вчера один из наших товарищей из Москвы в Новосибирск потащил толстую ржавую проволоку. За провоз заплачено больше, чем она стоит.

— Подумаешь, будто вы только такие несчастные! — вмешался в разговор третий самолет.— Вот недавно я побывал в Хабаровске. Есть там контора Росглаврыбснаба, которой управляет Н. К. Кононов. Перед самым новым годом он решил осчастливить охотских рыбаков и отгрузил им большое количество «палочек-считалочек» для детей дошкольного возраста.

— Зря,— заметили слушатели.— Надо бы эти палочки послать некоторым хозяйственникам. Пусть хоть на палочках научатся государственные деньги считать...

В. СОЛОХИН,
Б. КРЫЛОВ

Несостоявшееся новоселье

В семье Серафима Александровича Колосова ликовали: шутка ли, кончилась волокита, длившаяся восемнадцать лет,— и вот Колосовы из своей крошечной каморки перебираются в новое, просторное жилье!

— Сбылась наша мечта! — сказал Колосов жене.— А сколько истрепано нервов, сколько исписано бумаги! Теперь все это позади. Заполним еще один, уже последний, лист бумаги, и...

— Какой там еще лист? — насторожилась жена.— И так бумажки осточертели. Выбрось их в помойку, чтобы и помину не было.

— Это особая бумажка!— возразил Серафим Александрович.— Надо же пригласить на новоселье всех, кто помогал в нашем деле. Бери лист и записывай. Первое место в списке по праву займет заместитель министра путей сообщения Виктор Антоныч Гарнык. Если ты помнишь, именно ему принадлежала решительная резолюция на моем заявлении: «Нужно обязательно удовлетворить просьбу тов. Колосова при распределении жилплощади в новых домах...» Это было, дай бог памяти... в 1950 году.

— Надо вписать фамилии и других ответственных работников Министерства путей сообщения,— подсказала жена.— Ведь и они немало времени потратили на разрешение нашего вопроса.

— Не забыть и председателя Фрунзенского райисполкома тов. Кузнецова и его заместителя Исакова: я многим им обязан. Стой! Чуть-чуть не забыли начальника Главного управления локомотивного хозяйства МПС.

— Которого? — поинтересовалась жена.— Их за эти годы несколько сменилось.

— Пригласим двух: бывшего — Подшивалова, и нынешнего — Рудого. А вообще, если приглашать всех, кто принимал участие в нашем деле, то не только нашей квартиры, но и шести комнат не хватит. Пожалуй, пришлось бы Центральный Дом культуры железнодорожников арендовать. Но есть люди, которых никак нельзя обойти.

Колосов задумался и вдруг, вскочив со стула, хватил себя по лбу:

— Самого главного-то чуть не забыли!..

— Кого? — испугалась жена.

— И ты мне не напомнила,— с укором сказал Серафим Александрович.— Да Жукова же! Жукова — начальника административно-хозяйственного управления МПС. Сколько он по нашему делу бумажек написал — оторопь берет. На возу не увезешь! В 1953 году, когда мы уже совсем было опустили руки, кто нас порадовал? Кто вселил в нас надежду? Жуков! Помнишь его письмо: «...при заселении дома № 15 по Ново-Резервному пр. Ваша просьба будет учтена»? Нет, нет, его обязательно надо включить... Вот теперь все.

Да. Список был готов. Но...

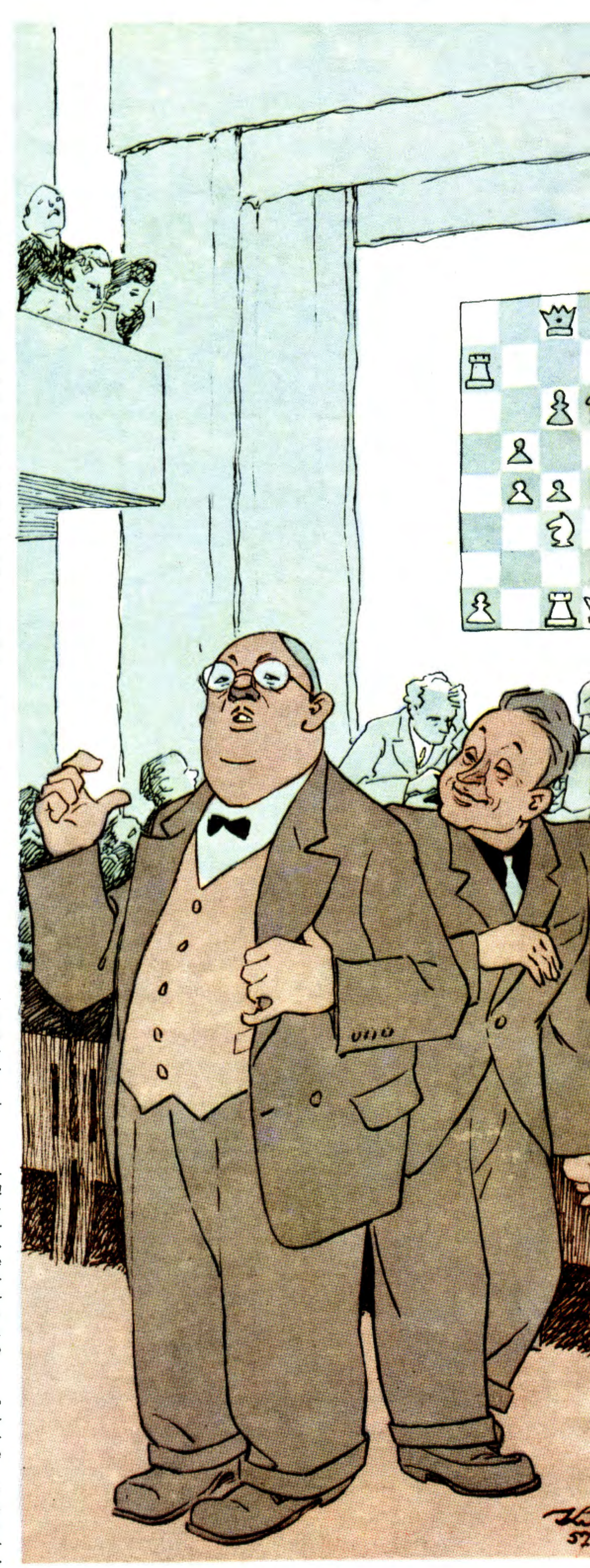
Но составлялся он зря. На новоселье никто не пришел. Почему? Люди были заняты? Пренебрегли приглашением? Или боялись нарушить диету, предписанную врачом? Нет. Все объяснялось гораздо проще.

Уж кто-кто, а лица, внесенные Колосовым в список, хорошо знали, что никакого новоселья нет, что, как и восемнадцать лет назад, заместитель начальника отдела энергетики Министерства путей сообщения Колосов с семьей ютится в тесной комнатушке, а его заявление по-прежнему переходит из рук в руки, все больше обрастая резолюциями.

Л. АЛЕКСАНДРОВА

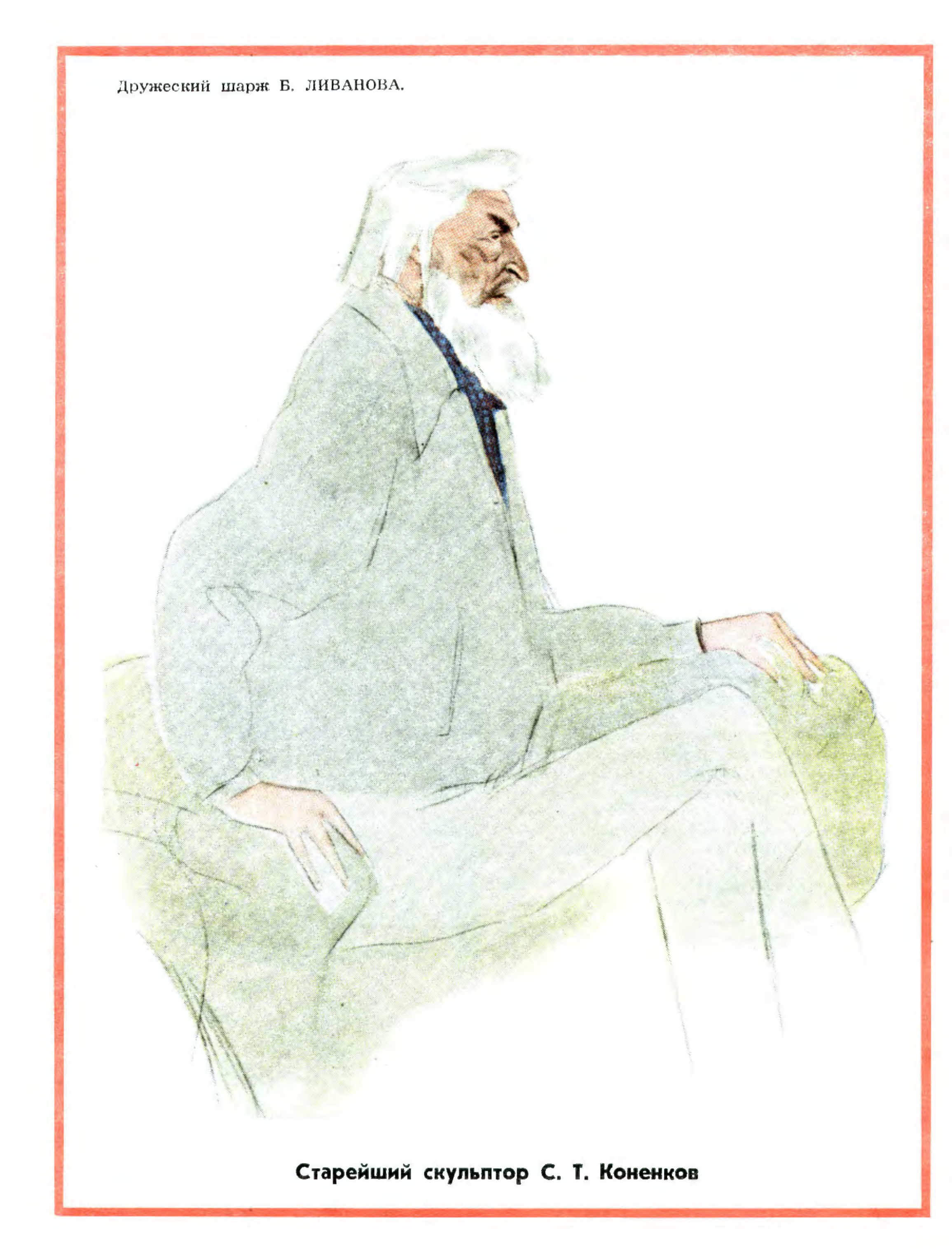
НА ШАХМАТНОМ ТУРНИРЕ

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Боже мой! Чемпион мира — такая фигура и сам передвигает пешки!.. Неужели у него нет зама!!

Дружеский шарж Б. ЛИВАНОВА.

Старейший скульптор С. Т. Коненков

На временной строительной выставке Крокодила

Павильон «Тяп-Ляпинстроя»

По представлению местных организаций Главный выставочный комитет постановил соорудить специальный павильон, посвященный деятельности Поспелихинского строительного управления № 4 треста «Алтайсовхозстрой» и его начальника Ляпина.

Этой высокой чести Ляпин удостоился благодаря неусыпным заботам о низком качестве возводимых им объектов. В Калининской машинно-тракторной станции Краснощековского района ляпинское строительное управление соорудило общежитие на пятьдесят человек. Когда оно уже было готово к сдаче, в стенах неожиданно обнаружились чуть ли не метровые отверстия. Жить в таком общежитии, конечно, никто не отважился. Своевременно покинутое жильцами, оно сейчас преблагополучно разрушается.

В той же Калининской МТС тот же Ляпин построил из крупнопористого бетона три дома. Не успели жильцы въехать в них, как тут же выехали: никто не пожелал рисковать здоровьем и жизнью.

Не останавливаясь на достигнутом, Ляпин занялся сооружением глинобитного общежития на 50 человек в Долговской машинно-тракторной станции Новочихинского района. Он не щадил ни времени, ни средств: общежитие строилось два года, и на него потратили сто тысяч рублей!

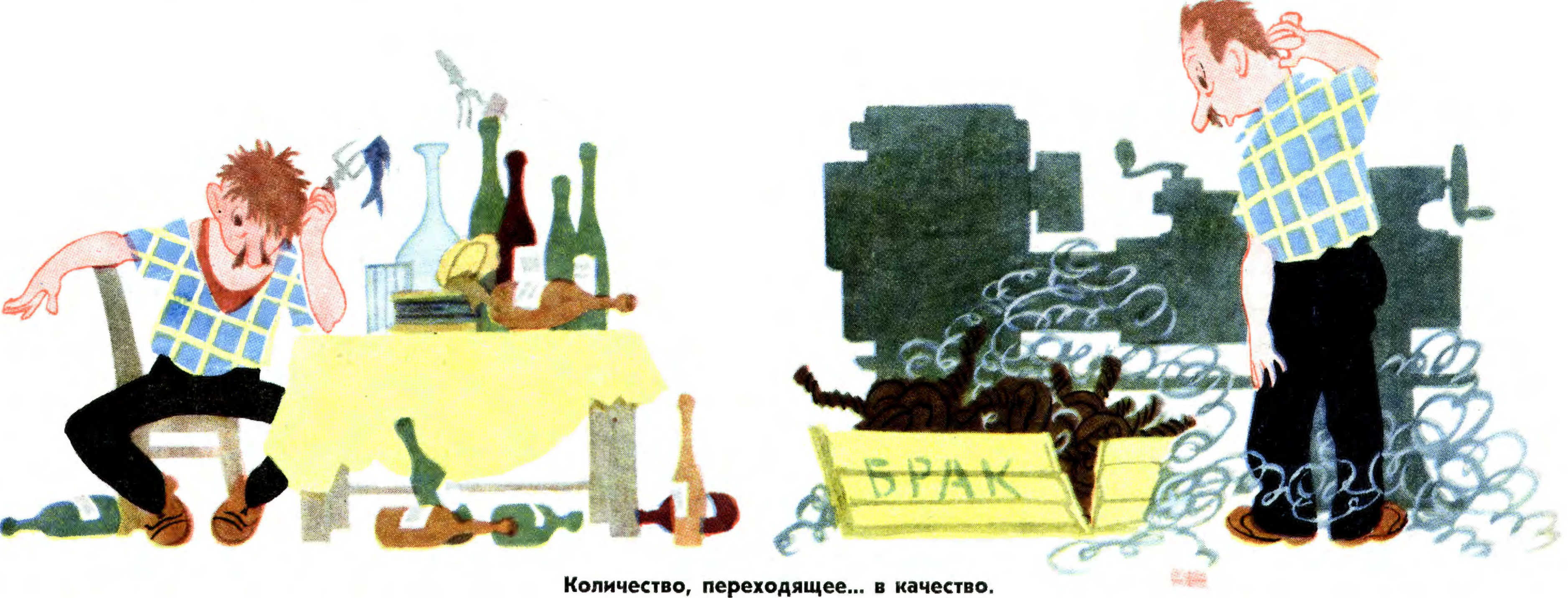
Уже достраивался второй этаж, и Ляпин готов был торжественно отпраздновать этот факт вместе с механизаторами МТС. Но не было бы счастья, да несчастье помогло: не дождавшись жильцов, здание общежития дало трещину, а затем и вовсе развалилось. Механизаторы тем самым случайно избежали катастрофы.

Естественно, Главный выставочный комитет пожелал экспонировать на выставке столь замечательное ляпинское сооружение и срочно командировал на место своих представителей. Но... было уже поздно: Ляпин, со свойственной ему скромностью стремясь остаться в тени и избежать громкой славы, пустил в ход бульдозер и сравнял с землей территорию, где еще недавно красовалось общежитие.

Творческие поиски и смелые дерзания Ляпина получили широкое признание среди покорителей алтайской целины, переименовавших ляпинское строительное управление в «Тяп-Ляпинстрой».

Крокодил не сомневается в том, что павильон с «Тяп-Ляпинстроем» будет пользоваться на выставке заслуженным успехом. Отзывы о посещении павильона просим направлять по адресу: Поспелиха, Алтайского края, строительное управление № 4, Ляпину.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Количество, переходящее... в качество.

С подлинным скверно

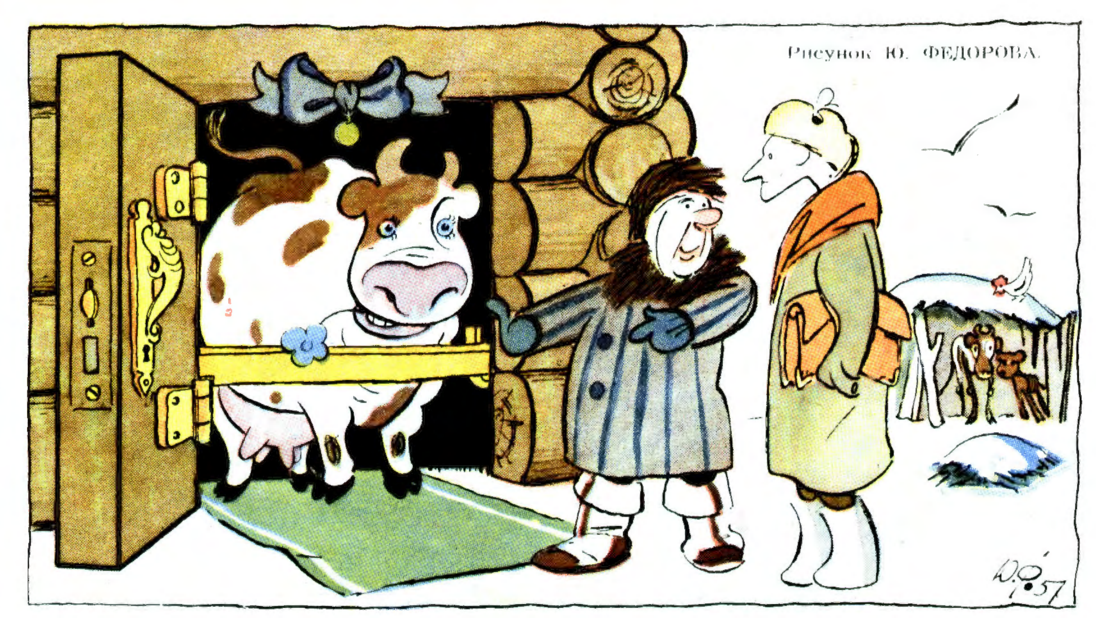
ЦЕННОЕ ОТКРЫТИЕ

Предлагается вниманию историков древний документ, свидетельствующий о высоком техническом уровне строительства в XVII веке, а также о том, что в те давние времена год делился не на четыре квартала, а на целых девять:

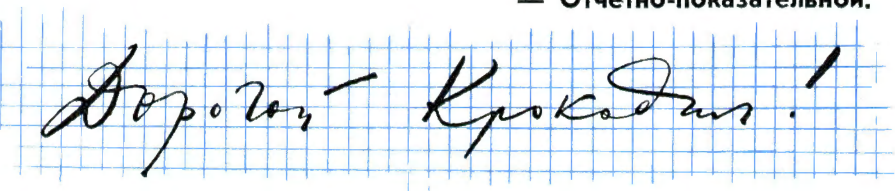
«В связи с определением потребного количества разных лесоматериалов и металла всех профилей на IX квартал 1656 г. Вам надлежит не позднее 19.9.56 г. представить в СМУ сведения, в которых указать объект, конструктивный элемент и потребное количество (на конструкцию) лесоматериала или металла».

Как видим, уже тогда существовали строительно-монтажные управления.

Странно только, что эта бумага подписана не писарем XVII века, а главным инженером СМУ Львовского облпотребсоюза тов. Петренко. Но, несомненно, от этого документ не теряет своей исторической познавательной ценности.

— Это очень ценная корова!
— Какой породы!
— Отчетно-показательной.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Всем давно известно, что чем дальше в лес, тем больше дров. А вот председатель колхоза, расположенного в селе Картун, тов. Чичик небезуспешно пытается доказать обратное. Мы со всех сторон окружены дремучими лесами, а он заявляет, что нет дров для нормальной работы колхозной электростанции.

Правда, есть в селе и вторая электростанция. Принадлежит она приисковому управлению. Дров для нее вполне хватает. Поэтому начальник управления согласился дать свет и колхозу. Но тут опять мы столкнулись с непреодолимым препятствием в лице председателя колхоза. Он, видишь ли, не хочет для передачи «чужой электроэнергии» предоставлять колхозную линию электропередачи.

И теперь у нас в селе только и свету, что в окошках. В окошках у тех, кому дает ток электростанция приискового управления.

И. ЛАНКИН, Т. ЛАШМАНОВА, А. ГУРЬЕВ и др. Всего 21 подпись.

с. Картун, Приморского края.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

С тех пор, как директор Елтышевской МТС тов. Парменов уехал на учебу, его сотрудники сильно загрустили. Они на пальцах считают дни, когда он должен вернуться, и приговаривают:

— Ах, как плохо нам стало, как трудно без дорогого товарища Парменова! Скорее бы он приехал, и кончились бы наши мучения.

Ты, может быть, подумаешь, что очень любят работники МТС директора? Может быть. Но дело совсем не в том. Если ты спросишь, почему они так скучают без директора, они покажут тебе стоящий недвижимо новенький «газик» без колес. А куда девались колеса, сейчас скажем.

Уезжая, Парменов заявил: «Машина предназначена МНЕ, и больше НИКТО на ней ездить не будет».

А обнародовав это коммюнике, он с помощью механика снял с машины колеса и затащил их на чердак собственной квартиры. Молвив: «Так будет надежнее»,— предусмотрительный директор укатил.

Теперь работники МТС осуществляют оперативную помощь колхозам, передвигаясь при помощи собственных ног, а в лучшем случае используют транспорт давно ушедших времен — тачанку.

Спрашивается: почему тов. Парменов, уезжая, заодно не вынес из кабинета печку и не выставил оконные рамы, чтобы его персональным помещением тоже никто не мог пользоваться?

Очевидно, просто времени не хватило. Торопился.

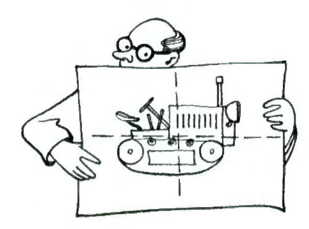
М. УДОВЕНКО, инструктор Мошковского РК КПСС Новосибирской области.

с. Мошково.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Оказывается, очень трудное дело — избавиться от того, чего у тебя нет! В этом мы убедились на собственном опыте.

Лет двадцать назад в нашем совхозе гуляли по полям одиннадцать тракторов. Пятнадцать лет назад эти тракторы отдали богу душу, были разукомплектованы и сданы на лом.

Но тень покойных машин все еще витает над нами. Пятнадцать лет пытаемся мы списать с баланса своевременно скончавшиеся тракторы, но сделать это нам не под силу. Какие только акты не составляли, какие только подписи не собирали, какими только печатями их не заверяли! В областном управлении совхозов нам дали такой совет: «Рекомендуем акты составить, как на существующие тракторы, то есть с заполнением всех граф и показом эскизов». Такие акты, мол, помогут нам избежать общего правила — обращаться к коллегии министерства...

Но мы не решаемся следовать подобному совету. Попробуй-ка опиши то, чего нет, да еще представь несуществующее в эскизе! Не заниматься же нам спиритизмом!

И. СТРЕЛЬНИКОВ, главный механик совхоза «Софьинский»,
Тамбовская область.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

С давних пор решает администрация Кунцевского игольного завода имени КИМа вопрос, кому принадлежат две секции дома № 5 по улице Красная Горка, в которых мы живем.

Много-много лет назад завод имени КИМа построил жилой дом. Две секции дома, где мы живем, передал своему соседу — ремесленному училищу № 14. Но училище почему-то отказалось от щедрого подарка. С тех пор мы «ничейные», что называется; от одного берега отстали, а к другому не пристали.

Нельзя сказать, чтобы такое положение нам очень нравилось. У соседей, что живут в другой половине дома, и вода и свет, а у нас ни того, ни другого. У них в комнатах тепло, а у нас температура редко поднимается выше трех градусов.

Неоднократно жаловались мы администрации игольного завода и училища. Но, кажется, легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем руководителям этих организаций прийти к определенному решению.

Е. ПРЫТКОВА, Е. РЯЗАНЦЕВА, С. ИЛЬИН и другие.

г. Кунцево, Московской области.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-34-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00230. Изд. № 230. Подписано к печати 9/II 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 304. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Чан Кай-ши и Ли Сын Ман договариваются о совместных провокационных действиях против китайского и корейского народов.

Объединенные усилия.